УДК 930.8/94

М. Ф. Ершов

Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России рубежа XIX–XX вв.

Рубеж XIX–XX вв. — время удивительное. Мировая цивилизация тогда вступала в позднеиндустриальную фазу своего развития. Закончился экстенсивный период становления рыночных отношений, необходимо было переходить на рельсы интенсификации. С одной стороны, очеловеченное пространство всё более нивелировалось, с другой — обретало множество общих черт. Так, например, достаточно быстро менялось осознание провинции, что нашло отражение в произведениях художественной литературы. Соответственно, литературные произведения допустимо рассматривать в качестве историко-психологических источников о настроениях в российской глубинке. По нашему мнению, к числу таких источников могут быть отнесены произведения М. Горького, Б. А. Тимофеева, Д. Четверикова, Г. Д. Гребенщикова, Вс. Иванова. Господствующим стилем для этих и иных литераторов того периода стала орнаментальная проза, отчасти близкая по своей структуре к стихотворным текстам, также анализируемым в настоящей публикации.

Какие новые значимые черты провинциальной жизни отобразили тексты названных авторов? Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, необходимо предварительное понимание исторической эволюции и места провинции в социокультурном пространстве России. К концу XIX в. прежний

отечественный провинциальный социум постепенно начал утрачивать свои посреднические функции. Провинциалы, прибывавшие в столицы, попадали здесь в своеобразную ловушку. Теперь столицы почти не нуждались в приезжих интеллектуалах с оригинальными идеями. Им требовалась квалифицированная, дисциплинированная и обезличенная рабочая сила. Данное обстоятельство имело ряд последствий. Чтобы закрепиться в столице, иногороднему как минимум требовалось расстаться с провинциальной идентичностью. А чтобы добиться известности, было необходимо удивить пресыщенное местное население своим эпатажем. Серебряный век русской культуры — это появление на столичной арене многочисленных мигрантов, задействованных в сфере культуры, с нарочито вызывающим поведением вплоть до аморальных поступков.

Ранее провинциалы были заняты репрезентациями провинциальных реалий. Но с развитием средств массовой информации провинция в общих чертах оказалась изучена и малоинтересна столичным жителям. «Провинция уже не воспринималась как некая экзотическая страна, открытая попавшим за первую заставу столичного города образованным человеком» — обоснованно замечают В. Н. Козляков и А. А. Савостьянова[1]. Провинциальный мир, утрачивая в столице высшего заинтересованного арбитра и заказчика посреднических услуг, оказался обречен на самостоятельное, почти одиночное существование. Возросли его самоуважение и потребность в самоидентификации и самоопределении.

Окончательное «открытие» провинции содействовало смещению фокуса интереса в литературных текстах. Теперь авторы, отойдя от путевых и этнографических описаний, по преимуществу сосредоточили свое внимание на психологии провинциалов. И у самих провинциалов появилась потребность в анализе собственного места проживания в очеловеченном пространстве. Местные земские деятели, журналисты, литераторы как могли и как умели отвечали на злободневные вопросы. Может быть, максимальной основательностью среди них отличался выходец из Нижнего Новгорода М. Горький. Будучи провинциалом по происхождению, он по приезде в столицы так и остался там на положении культурного маргинала, не смог укорениться, что называется, не прижился окончательно.

Именно Горький смог наиболее последовательно и системно препарировать провинциальную действительность. В цикле произведений «Городок Окуров» (1909 г.), «Жизнь Матвея Кожемякина» (1910–1911 гг.), незаконченной повести «Большая любовь» (1909 г.) им была осуществлена реконструкция социальных отношений, существующих в масштабе уездного города. Пролетарский писатель не сомневался, что в этих работах он реализует не только художественную, но и историческую миссию. В начале 1910 г. он замечал в письме к А. В. Амфитеатрову: «Наступают на меня десятками эти российские люди и каждый просит: меня запиши! Тоже хороший человек был и зря прожил всю жизнь. Уговариваю: отступитесь братцы, я вам не историк! А они: “Да

[1] *Козляков В. Н., Савостьянова А. А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1: Общественно-культурная среда. С. 194–195, 202.

кому, окромя, историком-то нашим быть? Эх, землячок, ты гляди, чего делают писателе-те, совсем нас, Русь, похерили в сердцах своих!" Монахини, канатчики, бродяги, окуровцы идут, идут, идут. И чувствую, что мне с ними как будто не по силам справиться»[2].

Перед М. Горьким, который не понаслышке знал провинцию, встала проблема типизации, создания обобщенного образа провинциального городского социума и местного очеловеченного пространства. Наиболее ярко такой образ представлен в повести «Городок Окуров». Это действительно изображение заурядного города. Повесть начинается с описания пригородного и собственно городского ландшафтов. Автор перечисляет ближние деревни, реку Путаницу, разделяющую город, его очертания, районы, улицы. «Город имеет форму намогильного креста: в комле женский монастырь и кладбище, вершину — Заречье — отрезала Путаница, на левом крыле — серая от старости тюрьма, а на правом ветхая усадьба господ Бубновых, большой облупленный и оборванный дом: стропила на крыше обнажены, точно ребра коня, задранного волками, окна забиты досками, и сквозь щели их смотрит изнутри дома тьма и пустота.

На Шихане числится шесть тысяч жителей, в Заречье около семисот. Кроме монастыря есть еще две церкви: новый чистенький и белый собор во имя Петра и Павла и древняя деревянная церковка Николая Мирликийского, о пяти разноцветных главах-луковках, с кирпичными контрфорсами по бокам и приземистой колокольней, подобной кринолину и недавно выкрашенной в синий и желтый цвета. Мещане в городе юркие, но — сытенькие; занимаются они торговлей красным и другим товаром на сельских ярмарках уезда, скупают пеньку, пряжу, яйца, скот и сено для губернии; жены и дочери их вяжут из разноцветных шерстей туфли, кофты, шарфы, фуфайки и дорожные мешки, — это рукоделие издавна привила им монастырская школа, где почти все они учились грамоте. Город славится вязанием, посылает его к Макарию на ярмарку и, должно быть, эта работа развила у жителей любовь к яркой окраске домов»[3].

В этом тексте присутствует явная стилизация под историко-статистические описания конкретных городов, характерных для второй половины XIX в. У читателя, таким образом, возникает ощущение достоверности. Писатель отдает должное социологической составляющей в образе городка Окурова. На страницах повести проходит череда социальных персонажей, обязательных для каждого города. Горький отмечает имущественное, сословное и даже территориальное разделение горожан (районы Шихан и Заречье) и притеснение со стороны городского населения приезжих крестьян. Но в то же время он фиксирует множество положительных моментов: относительное материальное благополучие, психологическую близость между жителями, взаимную терпимость, благотворительность «отцов города», явные успехи в благоустройстве жилой территории.

[2] *Горький М.* Собр. соч.: В 18 т. М., 1961. Т. 6. С. 521.

[3] Там же. С. 8.

В городе успешно развивается культура, местные жители понимают выгоды от образования: «Так, заметив избыток девиц, мещанство решило строить прогимназию.

— Всех девок, видно, замуж не выдашь, — стало быть пусть идут на службу в учительницы!»[4]. К положительным приметам нового времени относятся также спектакли местного кружка любителей комедии и драмы; горожане любят местный хор во главе с войсковым начальником Покивайко. Если бы писатель зациклился на всех этих частностях, то, наверное, из-под его пера вышло бы непритязательное сентиментальное чтиво, так похожее на современные ностальгические описания доморощенных краеведов о прежней России, которую мы некогда почему-то «потеряли».

Но Горький — и в этом величие писателя! — идет много дальше простой фиксации общеизвестных и типичных экономико-географических и социологических или этнографических фактов. В городе подспудно нарастает недовольство, идет скрытый процесс осознания новых реалий. Не слишком-то грамотные жители Заречья в своих разговорах начинают подвергать ревизии прежде такие ясные и понятные им максимы, о содержании которых и спорить-то вроде бы не пристало. Своеобразным мещанским идеологом здесь выступает маргинал Яков Тиунов. Россия предстает в его сентенциях как государство «бессомненно уездное». Ведь губернских городов несколько десятков, а уездных — тысячи. Москва при таком раскладе оказывается некоей «бобровой шапкой» на нищем человеке[5].

Тиунов постепенно подводит своих слушателей к тому, что главный в государстве — мещанин. Но ему, человеку мещанского сословия, мешают жить люди с нерусскими фамилиями. Вообще-то, если говорить применительно к Окурову, то немцев здесь всего три человека, но каких: председатель земской управы, земский начальник и исправник! А затем отрывочные сведения о японской войне и революции выводят толпу на улицы городка и смешивают в один кровавый клубок, где нет правых и виноватых, — и резонера Тиунова, и убийцу силача Бурмистрова, и других горожан. Интересно, что экономические противоречия в масштабах уездного городка не выглядят выпукло, ярко. Они далеко не на первом плане. В повести Горького их затмевает психопатология российской Смуты.

Жители городка, потеряв прежние нравственные ориентиры, постоянно совершают немотивированные ситуативные поступки. Их поведение Б. Емельянов, автор комментариев к повести, охарактеризовал как «реваншизм раба»[6]. Такой реваншизм плохо поддается последовательному рациональному объяснению. В определенных случаях применение художественной реконструкции оказывается близко к строго научным умозаключениям. Так, например, на рубеже XIX и XX вв. психологическая наука начала интересоваться феноменом толпы. Как заметил французский исследователь того времени Г. Тард, толпа

[4] *Горький М.* Собр. соч.: В 18 т. М., 1961. Т. 6. С. 9.

[5] Там же. С. 15–16.

[6] Там же. С. 531.

«обнаруживает присущую ей неустойчивость. Состоя из людей, в отдельности довольно здравомыслящих, толпа легко становится коллективно безумной»[7].

По мнению современного российского философа Б. В. Маркова, город по своей природе много больше чем набор знаков. Он «представляет собой территорию, пространство, которое организует, упорядочивает и в каком-то смысле формирует индивидуальное и общественное тело»[8]. Следуя подобному умозаключению, допустимо предположить, что Горький в своей повести, с помощью художественных средств, попытался осуществить моделирование общественного тела, находящегося в состоянии жесточайшего кризиса. Данный подход, кстати, объясняет интерес писателя-гуманиста к такой неприглядной стороне города Окурова, как существование публичного дома и описание жизни его обитателей.

Это отнюдь не погоня за занимательностью сюжета. Напротив, сцены в заведении Фелицаты тормозят действие романа, он становится вязким, «тягучим». Но они — необходимая часть полной реконструкции уездного городского тела, у которого существуют не только парадная, но и низменная, телесная сторона. И в других своих произведениях писатель не чурался практически этнографических описаний темных сторон жизни, неприглядного, но привычного всем поведения многих горожан, жертвами которых оказывались дети, девушки, женщины, все, кто проявлял хоть малейшую слабость. Перечисления жестоких городских нравов также неоднократно встречаются в «Жизни Матвея Кожемякина»[9] и в знаменитой автобиографической трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты», и в других произведениях Горького. Рыхлое, неупорядоченное социальное тело небольшого уездного города в период острых потрясений — именно это заметил и описал художник слова — конвульсивно дергается, попеременно ища то свободы, то православия, то просто крайнего на роль очередной жертвы. Последующий, более чем столетний период нашей истории подтвердил и наблюдательность, и прогностические способности автора «Городка Окурова».

М. Горький был не единственным писателем, обратившим внимание на проявление коллективного хаоса в жизни периферийных уездных городов. Применительно к городам Зауралья в сходной стилистической окраске происходившие события описали Борис Александрович Тимофеев (1882–1920) и Дмитрий Четвериков (его подлинные имя и фамилия: Четвериков Борис Дмитриевич) (1896–1981). Оба были выходцами из семей прогрессивных земских служащих (отец первого был врачом, второго — учителем). Отец Б. А. Тимофеева не ладил с начальством и часто менял место службы[10]. В сходных условиях

[7] *Тард Г.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004. С. 366.

[8] *Марков Б. В.* Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. С. 155.

[9] *Горький М.* Собр. соч.: В 18 т. М., 1961. Т. 6. С. 185–187.

[10] *Житкова Л. Н.* Б. А. Тимофеев. Очерк жизни и творчества. Свердловск, 1987. С. 6.

прошло и детство Д. Четверикова. Отец будущего писателя, Дмитрий Никифорович Четвериков — учитель истории и российской словесности — числился в царской России политически неблагонадежным. Поэтому он и его многочисленная семья вынужденно перебирались с места на место[11]. Оба писателя оставили художественные произведения, в которых достаточно полно представлены автобиографические картины их детства.

В повести Б. А. Тимофеева «Сухие сучки» (1913 г.) описан городок Асеев. Как установили литературоведы, прототипами Асеева и его обитателей послужили Шадринск и его отдельные жители. Так, один из современных районов этого города — бывшая деревня Осеево[12]. Первоначально в городе господствовали патриархальные обычаи. «Попался Асеев словно в заколдованный круг. Спереди узкой лентой тянулась река, а на откосе сторожила выходы белокаменная тюрьма. Позади широко раскинулись кладбища православное, еврейское, мусульманское. При жизни асеевцы теснились в куче, некогда было разбираться по народам; когда же умирали — каждый тянулся к отцовским могилам»[13]. Однако начало XX в., революция внесли смуту в городской социум. Политически и культурно он оказался расколот. Перед читателем повести проходит череда неприкаянных персонажей: от купцов и местной интеллигенции, до антисоциальных элементов из слободы Калиновки. Характерно, что все они не верят в свое будущее.

В 20-е гг. XX в. Д. Четвериков в ряде произведений воспроизвел сохранившиеся в его памяти воспоминания детства. К описаниям провинциальной жизни до 1917 г. можно отнести повести «Ирбит»[14] и «Малиновые дни»[15]. Данные литературные произведения впервые были опубликованы в 1926–1927 гг.[16] События и герои этих повестей перекликаются между собой и во многом они связаны с реалиями ярмарочного Ирбита. Здесь и авторские гимназические впечатления, и знаменитая ярмарка, и передача восприятия революционных событий в либеральной земской среде, и фиксация митингового хаоса, прежде непривычного для уездного провинциального городка. Как и в «Сухих сучках», рубленый сбивчивый тест хорошо передает ощущение всеобщей неадекватности в городском социуме.

Отображением психологии провинциалов занимался и Г. Д. Гребенщиков. Этого профессионального журналиста и писателя отличало великолепное знание сибирской периферии с ее традициями и новациями. Один из героев его многотомной эпопеи «Чураевы», алтайский старообрядец Викула первоначально ду-

[11] *Герштейн Я. Л.* Ирбитчане в истории России // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 245.

[12] *Янко М. Д.* Литературное Зауралье. Курган, 1960. С. 90.

[13] *Тимофеев Б.* Сухие сучки // Энергия. Сб. первый. 1913. С. 275–276.

[14] *Четвериков Д.* Бурьян. Л., 1926. С. 73–116.

[15] *Четвериков Д.* Избранное. М., 1971. С. 17–90.

[16] Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М., 2011. Т. 1: 1925 — июнь 1941 года. С. 39.

мает о столице «как о разноцветном и большом монастыре, затерянном в синей сумрачной пустыне, по которой ходят странники и богомольцы и все ходят они либо к Москве со всех концов, либо от Москвы во все концы земли, неведомой и синей». Действительность во многом изменила представления наивного сибиряка. Даже в Петровский пост столица отличалась обилием продаваемого мяса. «Оно ярко-кровавыми пятнами глядело из окон почти каждой бакалейной лавки и напоминало Викуле о городской греховности...». Как считает Василий, брат Викулы, Москва — «большой базар-толкучка. Тут всё найдешь, всё купишь, всё продашь: старое и новое, дорогое и дешевое, святое и греховное... Испокон веку Москва — живое, никогда не затихающее торжище». Еще один персонаж романа — Наденька — более сдержана: «Москве всё к лицу: и Серебряный бор, и Никола на Грязях, и Скорбященская Божья матерь, и Разгуляй»[17].

Смешение святости и греха было характерно также и для провинции. В третьем романе эпопеи Василий сталкивается с изнасилованием школьниками сельской учительницы. Вызвавшись быть защитником, он вскрывает причины произошедшего преступления. По его мнению, основная из них — исчезновение стыда: «В кругу городских людей, в кругах образованных людей особенно, понятие стыда всё чаще стало заменяться новыми словами. Эти слова: совесть, мораль, порядочность, сознание, собственность, достоинства, правосознание и тому подобное. Словом, по мере того, как образованное общество становится всё образованнее, понятия о стыде всё более мельчают, всё более видоизменяются, часто смешиваются с предрассудками и делаются всё менее доступными простым людям».

В школе принудительно преподаются и литература, и Закон Божий, но, задается вопросом Василий, «дала ли что-нибудь, кроме пойманных и еще не пойманных преступников, эта красиво выстроенная школа?». А если бы не было школы? «А было бы только то, что почти не было бы грамотных, но зато Закон Божий, внушенный старческой простой молитвой, какой-либо суеверной, но богобоязненной старухи, был бы здесь заложен крепче и, поверьте, он управлял бы массою народной лучше, нежели все вооруженные силы или писаные книжные законы». На примерах из школьной жизни Василий показывает аморализм учащихся: один ребенок подделывает деньги, другой — подписи, третий «похабными словами искажал великого поэта Пушкина»[18].

Данное утверждение не противоречит историческим реалиям. По наблюдениям современников, быстрая деградация прежних смыслов, ведущая к имитации, аморализму и расщепленности сознания, была достаточно распространена среди учащейся молодежи в начале XX в.[19] Дело, впрочем, не ограничивалось только сферой преподавания. Так, например, одновременное сосуществование

[17] *Гребенщиков Г. Д.* Братья Чураевы. Нью-Йорк, 1925. С. 84, 96, 105.

[18] *Гребенщиков Г. Д.* Веление земли. Нью-Йорк, 1925. С. 51–84.

[19] *Ватник Н. С.* «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 гг. // Российская история. 2010. № 6. С. 97–105; *Буле О.* Скандал в Перми (из тайной истории русской гимназии) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 311–328.

цензурного гнета и юридически провозглашенная в 1905 г. свобода печати породили в журналистике институт подставных редакторов для отсидки по суду, еще их называли зиц-редакторами[20]. Формально не противоречащее закону использование псевдонимов и услуг зиц-редакторов могло провоцировать провинциальных интеллектуалов на отказ от привычного поведения. Оно заменялось иными стереотипами, несущими прямо противоположные смысловые нагрузки.

Данная трансформация была связана со спецификой сознания провинциала, еще не освободившегося от множества патриархальных черт. Соответственно, замена имени и участие в газетных словесных «проповедях» могли привести к вытеснению местных социальных реалий из его внутреннего мира. Возвышаясь в собственных глазах, он одновременно погружался в символический мир словесного творчества, мало совместимого с нормальной жизнью, наивного и гипертрофированного.

По нашему мнению, отражением подобной социальной мутации являются произведения позабытого ныне поэта Федора Федоровича Филимонова (1862–1920). Проанализируем отдельные строки из сборника «Песни сибиряка» (1890 г.)[21].

Творчество Филимонова безрадостно. Поэт не устает оплакивать несбывшиеся мечты:

Где та золотая пора идеалов
Когда начинали мы жить!
Когда мы клялися при звоне бокалов
Родимому краю служить?..

(Из стихотворения «Мимо»)

Сегодняшний день для лирического героя наполнен страданиями и бессмысленным трудом. Этот труд лишает человека-узника отведенной ему малой толики свободы и поэтому особенно тяжел. Стихотворение «В Сибири» наводит на мысль, что одноименная территория предстает исключительно как тюрьма или этапное пространство:

Стук молота от века и до века,
Тяжелый звук заржавленных оков...
Друг, ты видал ли гнома-человека
На дне холодных рудников?

Чувство безысходности неоднократно проявляется в образах подземных тружеников. Выход к свету им заказан:

[20] *Симонова Н.Б.* «Газетные люди» в России в конце XIX — начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 10. С. 20.

[21] [*Филимонов Ф.*] Песни сибиряка. Стихотворения Ф. Филимонова. 1880–1890. М., 1890.

Шли мы, к свету стремясь, ...гибли, падали мы.
Находя в этом мраке свой гроб.
Как в глухом руднике средь удушья и тьмы
Погибает боец-рудокоп.
(«Рудокоп (с французского)»)

Тема неволи красной нитью проходит через многие произведения поэта:

Я еду — всё степи да степи.
Конца не дождешься ты им.
Зачем же опять эти цепи
Со звоном печальным своим?
(«Из путевых заметок»)

Параллельно теме неволи развиваются несбыточные мечты об освобождении. Таково содержание стихотворения «В стране изгнания»:

Вдруг слезы мои затуманили очи,
Гром грянул, и вся взволновалася степь...
Не верь... это звук кандалов среди ночи.
Звон цепи о цепь.

Современность поэтом воспринимается как господство еще не законченного несовершенного прошлого. Борцы за светлое будущее заключены в настоящем времени, как в тюрьме. Для них нет и не может быть выхода:

Всё ночь и ночь; рассвета дня
Увидеть мне не суждено.
(«Песни прошедшего»)

Неудивительно, что изрядную долю сборника составляют произведения, посвященные памяти безвременно ушедших из жизни. В частности, их героями стали широко известные современникам сошедший с ума В. М. Гаршин, самоубийца Д. А. Литышева, И. В. Омулевский. По мнению поэта, победы достигнут лишь молодые борцы. Название единственного оптимистического стихотворения сборника говорит само за себя: «В путь-дорогу (посвящается сельским учительницам)»:

Не трусь, борись ты до конца:
Чем тяжелей победа достается,
Тем больше славы для борца!

Вера в святость труда работников просвещения звучит и в других сборниках Ф. Филимонова[22]. Поэт фиксирует рост образовательного уровня в родном городке, но не абсолютизирует влияние грамотности на нравственность местного населения («Доказательством подлоги // Могут этому служить»)[23]. Его угнетает разрыв между реальным негативным положением дел и теми усилиями, которые прилагает общество для решения наболевших задач:

Эй, потише, ямщик, не пускай тройку вскачь.
Ее встретят повсюду препоны.
«Наше время — не время широких задач» —
На кустах прокричали вороны[24].

Творческий дар Ф. Филимонова в целом лишен оригинальности, это поэт далеко не первой величины. Однако в его стихах присутствует немало достоверных деталей: есть описания путешествий по рекам и дорогам, отражение незавидной участи коренных народов Сибири, провинциальные зарисовки. Поэт и его лирический герой — сторонники насильственной смены общественного строя. В окружающем их мире бесконечно длится непрерывное сражение, но соратники уже пали в бою. В борьбе света и тьмы пока еще побеждает тьма. Участь героя — быть одиноким борцом. Он не вполне свободен, ведь место его жительства — Сибирь. Это страна изгнания, труд в ней подневолен. Однако надежда не исчезла. Поэт по-прежнему верит в светлое будущее. Сегодняшняя же жизнь воспеваемого им лирического героя — страдание. Жизненные обстоятельства препятствуют достижению мечты, ей не суждено сбыться. Герой испытывает жажду рыданий и неразделенную любовь.

Современная исследовательница М. Б. Могильнер выявила эволюцию и основные признаки типичного «общественного» героя-революционера и причины последующего кризиса популярного образа. Этот литературный герой «молод, т. е. он не успел пожить, он отдал в жертву свою молодую жизнь, что делает его жертву несравненно ценнее, чем жизнь, скажем, убитого им старика-министра или губернатора средних лет, успевшего пожить <...>, герой страдает, его образ свят (“страдальческий венец”), т. е. неподсуден простым смертным, а значит, и преступному государственному суду». Так что же, Филимонов — революционер? Здесь нельзя дать однозначного ответа. В профессиональном плане, разумеется, — нет. Однако в социокультурной сфере он, как и многие, тяготеет к революционной идеологии. «Порой трудно определить, где кончалась подпольная Россия и начинялась легальная» — замечает М. Могильнер[25].

[22] *Филимонов Ф.* За прошлые годы (Песни Сибиряка). СПб., 1913. С. 101.

[23] [*Филимонов Ф.*] Стихотворения Ф. Филимонова. СПб., 1913. С. 173.

[24] Там же. С. 205.

[25] *Могильнер М.* На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997. С. 5, 10.

Кто такой Ф. Филимонов? В первую очередь, он — культурный маргинал. Будущий поэт родился в Камышлове, в семье купца. Учился в Казани. За участие в студенческих беспорядках его высылают в Ирбит на четыре года. В глазах современников Ф. Филимонов был достаточно колоритной фигурой. Он обладал могучим телосложением и крутым неуживчивым нравом. Пользовался популярностью, издал несколько поэтических сборников. В конце века переселился в Сибирь. В 1920 г. его расстреляли большевики за сотрудничество с колчаковскими властями[26]. В судьбе Филимонова поражает неустроенность поэта, какая-то бесприютность его существования.

В целом, чувства, испытываемые Ф. Филимоновым, были достаточно типичны для провинциального интеллигента. Это ригоризм, тяготение к крайностям, нетерпимость к власти, оппонентам и противникам. Он «зациклен» на социальной проблематике. Всякое несоответствие идеалу вызывает у него реакцию отторжения. Поэтому окружающая действительность воспринимается им по преимуществу негативно. Сознание поэта болезненно биполярно, он неявный приверженец того типа мышления, которое А. С. Ахиезер определяет как манихейство. «Манихейство — замечает исследователь, — основано на абсолютизации жесткого противопоставления добра и зла, которые рассматриваются как две субстанции мира. Манихейство, следовательно, не только конкретно-историческая форма культуры, но методологическая и гносеологическая категория, метод якобы простого, ясного решения сложных проблем. Манихейство — наиболее простой и прямолинейный ответ на усложнение социокультурных проблем»[27].

Ф. Филимонов был не одинок, даже типичен в своих предпочтениях. Сходные черты прослеживаются в произведениях самой известной уральской поэтессы того времени, Елизаветы Савишны Гадмер-Головой. Это «Письмо из тюрьмы», «Письмо в тюрьму», «Дети», «Дедушке (памяти Генриха Гадмер)» и иные стихотворения. Примечательны происхождение и судьба этой талантливой женщины. Ее отец был из знаменитой старообрядческой семьи Ушковых. Мать Элиза — внучка немецкого оружейника из Златоуста и дочь домашнего учителя швейцарца Генриха Гадмера, покончившего жизнь самоубийством. Оставшись без отца, Элиза была вынуждена переселиться к двоюродной тетке в Шадринск, а затем без душевной привязанности вышла замуж. Безденежная кочевая жизнь родителей еще в детстве подорвала здоровье их дочери Елизаветы. На ее творчестве сказались материальные затруднения, собственное неудачное замужество, смерть дочери и отсутствие интереса со стороны издателей[28].

[26] *Алымов Х.* Гейне из Ирбита // На смену! (Екатеринбург). 1995. 19 янв. С. 3.

[27] *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). 2-е изд. перераб. и доп. Новосибирск, 1997. Т. I: От прошлого к будущему. С. 73.

[28] Елизавета Гадмер: материалы к биографии. Сб. док. к 60-летию Объединенного музея писателей Урала. Екатеринбург, 2006.

Маргинальные нотки также явственно присутствуют в творчестве шадринцев Елизаветы и Сергея Виноградовых. «До зачисления ее на должность помощницы библиотекарши в Шадринской Земской публичной библиотеке, в коей состояла последние три года, Виноградова никаких определенных занятий не имела, очень нуждалась и жила исключительно помощью богатых людей из местного купечества» — указывалось в жандармском донесении от 22 января 1914 г. Здесь же сообщалось и о том, что пожилая, вечно нуждавшаяся, не бывавшая замужем Елизавета Васильевна под влиянием эсера Н. В. Здобнова внезапно обратилась в своих стихах к революционной тематике[29]. Ее младший брат Сергей уехал из Шадринска и сотрудничал в либеральной «Екатеринбургской неделе»[30]. Тогда мало кто знал, что «женские» поэзия и проза Нины Ивановой, имевшие бешеный успех у современников, были плодом творчества «законспирированного» С. Виноградова[31].

Житейские трудности, видимо, были отличительными чертами тогдашней художественной провинциальной интеллигенции. Острота социальных противоречий нередко провоцировала вдумчивого человека к политической деятельности или к литературному творчеству, что дополнительно осложняло и без того нелегкое существование. «Жил в Кургане, маленьком сибирском городке, Кондратий Худяков, поэт, живописец вывесок и мой приятель, — писал в своих воспоминаниях о начале XX в. советский писатель Вс. Иванов. — Происходил он сам из староверов, упрямый. Одноглазый и — красивый. Он самоучкой дошел не только до искусства писать стихи, но и до рисования вывесок. Обитал он в двух крошечных комнатушках. В одной комнатушке был маленький письменный стол с секретным отделением, им самим изобретенным (он всё сбирался уйти в политику, и в секретном отделении прятал бы он тогда прокламации и воззвания). Но на этом письменном столе работать ему не удавалось: за дощатой перегородкой постоянно вопили дети, жена стряпала обед, — он уходил писать стихи на сеновал. Бывало, придешь к нему, а сынишка говорит: “Батя на сеновал мыслить отправился”»[32].

К. Худяков был не единственным литератором в Кургане. Кроме него в газетах публиковались Лариса Коровина, Павел Кузьминых, Аркадий Филиппов, Павел Булатов, Ф. Рябов[33]. Сам Вс. Иванов, будущий литературный классик, а тогда подросток, работающий в типографии, уже успел вкусить яд тщеславия после своей первой публикации и даже получил письмо от М. Горького. По этому случаю работники типографии «решили выпить и чтоб — вдрызг!..». Пьянку начали с продажи сапожных голенищ новоявленного автора... Ценность вос-

[29] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 520. Оп. 1. Д. 41. Л. 15, 24.

[30] *Голдин В. Н.* Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007. С. 122–129.

[31] *Голдин В. Н.* Елизавета Гадмер плюс сто одна поэтесса Урала конца XIX — начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 60–70.

[32] *Иванов Вс.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1978. Т. 8. С. 195.

[33] *Голдин В. Н.* Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007. С. 42–43.

поминаний о Кургане Вс. Иванова заключается в выявлении неоднозначности провинциальных процессов. С одной стороны — типография, в которой «зверски» пили, а с другой — достаточно насыщенная культурная жизнь.

«Я находился тогда под впечатлением тех авторов, что утверждали — уездная жизнь необыкновенно звероподобна, тупа и что нет на свете большего падения, чем быть мещанином. — замечал писатель. — Мещанство, — именно Худяков обратил мое внимание на это, — в лице своих молодых представителей много читало и много думало». Круг общения Вс. Иванова составляла провинциальная молодежь, увлекающаяся литературой. Молодые люди собирались после работы, читали современные художественные произведения, сами не чурались литературных опытов[34]. Так, например, Вс. Иванов и его друг по типографии А. А. Жулистов участвовали в постановке любительских спектаклей[35].

В Кургане достаточно рано сказались положительные и отрицательные последствия проведения через город железной дороги. Быстрое наступление индустриальной эры разрушало патриархальную мораль, ее ценности подлежали осмеянию или снисходительной жалости. И это обстоятельство также было отображено начинающим писателем в рассказах «Защитник и подсудимый» и «Вертельщик Семен» (1916 г.)[36]. С одной стороны, это почти этнографические зарисовки типичных персонажей, появляющихся на улицах провинциального городка, а с другой — исторический источник, рассказывающий о парадоксах общественного сознания последних лет существования Российской империи.

Проанализированные художественные тексты писателей начала XX в. близки между собой по стилистике, социальности, нравственным основаниям. Все они информационно насыщенны и плохо подстраиваются под однозначные толкования. Их детальное рассмотрение в качестве исторических источников требует глубоких теоретических обобщений и изощренных интеллектуальных усилий. Так, например, персонажи, описанные в данных произведениях, далеко не всегда руководствуются общепринятыми христианскими нормами. Однако их жестокие поступки в большинстве случаев почему-то не создают у читателя ощущения совершенного греха. Многие из персонажей явно «не ведают, что творят».

Какие выводы следуют из изложенного выше? Достаточно тривиальные. Абстрагируясь от конкретики данных произведений, допустимо предположить, что в них зафиксирована слабость христианских норм в толще отечественной провинциальной культуры. Чем же тогда замещалось христианство в российской глубинке? Ответ однозначен — латентным язычеством. Ныне уже не требуется особых доказательств, что скрытое язычество в нашей стране никогда до конца не умирало и по-прежнему имеет тенденцию к постоянной

[34] *Иванов Вс.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1978. Т. 8. С. 196, 274–277.

[35] *Карсонов Б.* Всеволод Иванов // Советское Зауралье (Курган). 1975. № 115. 18 мая; Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. р-2287. Оп. 2. Д. 13. Л. 61.

[36] Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М., 2010. С. 103–105, 109–112.

регенерации. Возможно, провинциальные писатели на рубеже веков смогли запечатлеть очередные ростки того вечного негатива, который захлестнул нашу страну в последующие времена.

Расщепленность сознания, присущая возрождающемуся языческому мировоззрению начала XX в., преломилась во внешней сумбурности вроде бы немотивированных поступков субъектов российской действительности. Литераторы это почувствовали. Их тексты с одной стороны оказались излишне цветистыми, а с другой они стали демонстративно «рваными», потеряли в описательности, утратили привязку к деталям. Эти потери информационно компенсировались более весомой психологической составляющей в общем массиве текста. Далеко не случайно, что для того времени была в моде так называемая орнаментальная проза. Ее характеризуют растворение текста в отдельных мотивных кусках, ослабление событийности, смещение сюжета на второй план, ритмика, склонность к ассоциациям, повторам образов, мифопоэтическая картина мира.

Литературоведы до сих пор спорят, произведения каких именно писателей целесообразно отнести к данному стилю[37]. В числе прочих называют имена М. Горького и Вс. Иванова. Но применительно к источниковедческому анализу важнее другой вопрос: для отображения каких именно реалий орнаментальная проза будет максимально результативной? Подо что она функционально «заточена»? По мнению немецкого слависта Вольфа Шмида, «симптомы поэтической обработки текстов можно найти во все периоды истории литературы, но это явление заметно усиливается в те эпохи, когда преобладают поэтическое начало и лежащее в его основе мифическое мышление. Благодаря своей поэтичности орнаментальная проза предстает как структурный образ мифа»[38]. И действительно, в орнаментальной прозе присутствуют дискретность текста, обезличенность литературных персонажей, описание действий массы, толпы как биологического начала.

Полагаем что для литературных текстов, в том числе и для орнаментальной прозы далеко не случайны пренебрежение к единичным фактам и акцентирование внимания на сдвигах в сознании. Тяга к массовым психическим не всегда адекватным проявлениям оказалась одной из отличительных особенностей культуры, хронологически близкой к 1917 г. В своем творчестве писатели это художественно отобразили, зафиксировав предгрозовое состояние российского общества. На их глазах на авансцену истории и в столицах, и в провинции начали выходить не отдельные герои, но сплоченные общим недовольством большие массы людей. На какое-то время толпа или даже городской социум обретали способность быть едиными социальными организмами, «поглощая» входивших в них еще неразвитых индивидов. Ключевым моментом для литераторов — и здесь они близки к историкам — оказалось исследование человека

[37] *Атрощенко А. С.* Орнаментальный стиль как теоретико-методологическое понятие: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013. С. 3.

[38] *Шмид В.* Нарратология. М., 2003. С. 263.

с пробужденным, но неразвитым индивидуальным сознанием, присутствующего в этой толпе.

Историк В. А. Козлов продемонстрировал, что поступки асоциального и антисоциального человека допустимо осуждать, но нельзя игнорировать. Он же показал актуальность изучения действий толпы как для XX в., так и для дня сегодняшнего. «И все-таки в косноязычном бормотании человека с улицы, в угрозах и выкриках, звучащих на площадях, в корявых событиях давнего и недавнего прошлого, гораздо больше смысла, чем это обычно кажется. Правители, которые слишком поздно начинали слушать и слышать голос толпы, или те, кто с презрением отворачивался от жаждущего справедливости "простонародья", рано или поздно уходили из истории "ошиканными и срамимыми" (выражение Н. Г. Чернышевского)» — резюмирует исследователь[39].

Выборочное использование литературных текстов рубежа XIX–XX вв. о жизни «безмолвствующей» провинции свидетельствует о больших потенциальных возможностях для анализа содержащейся в ней информации. Та художественная реконструкция социальных реалий, которую осуществили писатели, в последующие времена была во многом научно обоснована трудами классиков психологии.

References

Ahiezer A. S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnaja dinamika Rossii). 2-e izd. pererab. i dop. Novosibirsk, 1997. T. I. Ot proshlogo k budushhemu.

Alymov H. Gejne iz Irbita // Na smenu! (Ekaterinburg). 1995. 19 janv.

Atroshhenko A. S. Ornamental'nyj stil' kak teoretiko-metodologicheskoe ponjatie: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2013.

Bule O. Skandal v Permi (iz tajnoj istorii russkoj gimnazii) // Geopanorama russkoj kul'tury: Provincija i ejo lokal'nye teksty. M., 2004. S. 311–328.

Chetverikov D. Bur'jan. L., 1926.

Chetverikov D. Izbrannoe. M., 1971.

Elizaveta Gadmer: materialy k biografii. Sb. dok. k 60-letiju Ob'edinennogo muzeja pisatelej Urala. Ekaterinburg, 2006.

[*Filimonov F.*] Pesni sibirjaka. Stihotvorenija F. Filimonova. 1880–1890. M., 1890.

[*Filimonov F.*] Stihotvorenija F. Filimonova. SPb., 1913.

Filimonov F. Za proshlye gody (Pesni Sibirjaka). SPb., 1913.

Gershtejn Ja. L. Irbitchane v istorii Rossii // Irbitskij kraj v istorii Rossii. Ekaterinburg, 2000.

Goldin V. N. Elizaveta Gadmer pljus sto odna pojetessa Urala konca XIX — nachala XX vekov. Ekaterinburg, 2005.

Goldin V. N. Zabytye pojezija i literatory Urala. Ekaterinburg, 2007. S. 238–245.

Gor'kij M. Sobr. soch.: V 18 t. M., 1961. T. 6.

Gor'kij M. Sobr. soch.: V 18 t. M., 1962. T. 9.

Grebenshhikov G. D. Brat'ja Churaevy. N'ju-Jork, 1925.

Grebenshhikov G. D. Velenie zemli. N'ju-Jork, 1925.

Ivanov Vs. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1978. T. 8.

[39] *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006. С. 20.

Janko M.D. Literaturnoe Zaural'e. Kurgan, 1960.

Karsonov B. Vsevolod Ivanov // Sovetskoe Zaural'e (Kurgan). 1975. № 115. 18 maja.

Kozljakov V.N., Savost'janova A.A. Kul'turnaja sreda provincial'nogo goroda // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka. M., 1998. T. 1: Obshhestvenno-kul'turnaja sreda. S. 125–202.

Kozlov V.A. Neizvestnyj SSSR. Protivostojanie naroda i vlasti 1953–1985 gg. M., 2006.

Markov B.V. Hram i rynok. Chelovek v prostranstve kul'tury. SPb., 1999.

Mezhdu molotom i nakoval'nej. Sojuz sovetskih pisatelej SSSR. Dokumenty i kommentarii. M., 2011. T. 1: 1925 — ijun' 1941 goda.

Mogil'ner M. Na putjah k otkrytomu obshhestvu: krizis radikal'nogo soznanija v Rossii (1907–1914 gg.). M., 1997.

Neizvestnyj Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva. M., 2010.

Shmid V. Narratologija. M., 2003.

Simonova N.B. «Gazetnye ljudi» v Rossii v konce XIX — nachale XX veka // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija, filologija. 2013. T. 12. Vyp. 10. S. 17–22.

Tard G. Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naja prestupnost'. Prestuplenija tolpy. M., 2004.

Timofeev B. Suhie suchki // Jenergija. Sb. pervyj. 1913. S. 247–389.

Vatnik N.S. «Ogarki»: mify i realii gimnazicheskoj sredy 1907–1908 gg. // Rossijskaja istorija. 2010. № 6. S. 97–105.

Zhitkova L.N. B. A. Timofeev. Ocherk zhizni i tvorchestva. Sverdlovsk, 1987.

Список литературы

Алымов Х. Гейне из Ирбита // На смену! (Екатеринбург). 1995. 19 янв.

Атрощенко А.С. Орнаментальный стиль как теоретико-методологическое понятие: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. I: От прошлого к будущему.

Буле О. Скандал в Перми (из тайной истории русской гимназии) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004.

Ватник Н.С. «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 гг. // Российская история. 2010. № 6. С. 97–105.

Герштейн Я.Л. Ирбитчане в истории России // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 238–246.

Голдин В.Н. Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007.

Голдин В.Н. Елизавета Гадмер плюс сто одна поэтесса Урала конца XIX — начала XX века. Екатеринбург, 2005.

Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1961. Т. 6.

Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1962. Т. 9.

Гребенщиков Г.Д. Братья Чураевы. Нью-Йорк, 1925.

Гребенщиков Г.Д. Веление земли. Нью-Йорк, 1925.

Елизавета Гадмер: материалы к биографии. Сб. док. к 60-летию Объединенного музея писателей Урала. Екатеринбург, 2006.

Житкова Л.Н. Б. А. Тимофеев. Очерк жизни и творчества. Свердловск, 1987.

Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. М., 1978. Т. 8.

Карсонов Б. Всеволод Иванов // Советское Зауралье (Курган). 1975. № 115. 18 мая.

Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006.

Козляков В.Н., Савостьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1: Общественно-культурная среда. С. 125–202.

Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999.

Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1: 1925 — июнь 1941 года. М., 2011.

Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997.

Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М., 2010.

Симонова Н.Б. «Газетные люди» в России в конце XIX — начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 10. С. 17–22.

Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004.

Тимофеев Б. Сухие сучки // Энергия. Сб. первый. 1913. С. 247–389.

[*Филимонов Ф.*] Песни сибиряка. Стихотворения Ф. Филимонова. 1880–1890. М., 1890.

Филимонов Ф. За прошлые годы (Песни Сибиряка). СПб., 1913.

[*Филимонов Ф.*] Стихотворения Ф. Филимонова. СПб., 1913.

Четвериков Д. Бурьян. Л., 1926.

Четвериков Д. Избранное. М., 1971.

Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Янко М.Д. Литературное Зауралье. Курган, 1960.